

С. Б. КРИХ

ИЗУЧЕНИЕ РЕЦЕПЦИИ АНТИЧНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Рецензия посвящена коллективной монографии казанских историков «Рим и Италия: историческое прошлое в современных измерениях», которая затрагивает проблемы рецепции Античности и Средневековья в Италии Нового времени и в Советской России. Такой тип исследования – почти новинка для российской историографии, и отсюда – как плюсы данной работы, так и её основное затруднение – теоретическая неуверенность в обращении с историографическим материалом.

Ключевые слова: рецепция, Рим, Италия, современная историография, античность, средневековье

Казанской исторической школе удаются небольшие книжки, в т.ч. коллективные монографии¹. Тезис может показаться несколько пренебрежительным, но это совсем не так: небольшая книга требует немало умения сказать именно то, что нужно, в ней обилием фактического материала сложно прикрыть скудость концепций, наконец, именно её с наибольшей вероятностью прочитают целиком. Соответственно, казанцам удаётся предложить и небанальные темы для своих работ, или как минимум нетривиальный взгляд на уже известную проблему.

В данном случае новизна связана с приложением сил к делу изучения рецепции античного (и отчасти средневекового) наследия, у истоков которого не только в Казани, но и в нашей стране стоит один из авторов книги – Е.А. Чиглинец². Импонирует и тот факт, что перед нами попытка рассмотреть в разных контекстах одну, сравнительно небольшую тему.

Исследование выстроено следующим образом: сравнительно подробное теоретическое предисловие (С. 3–12), четыре главы (из которых первая и четвёртая играют роль уже смыслового введения и заключения) и небольшое заключение³. Предисловие написано Г.М. Мягковым и Е.А. Чиглинцевым, которые в самом начале предлагают определиться с терминами, задавая следующую их цепочку в качестве основной: коммуникация, актуализация, рецепция, коммеморация. Последовательно раскрывая эти термины применительно к своей тематике, авторы указывают и на то, как они были использованы в каждой из

¹ Сразу на ум приходит пособие: Малёванный 1987, из совсем недавних монографий: Ахмадиев, Георгиев 2016, Межкультурный диалог...

² См. Чиглинец 2015.

³ Рим и Италия...

последующих глав. Следует отметить то, как авторы ненавязчиво обосновывают актуальность своего исследования: присоединяясь к мнению Ч. Мартиндейла, согласно которому именно изучение рецепции позволяет избежать крайностей историцизма и презентизма, они тем самым делают заявку на вклад в решение одной из центральных проблем современной исторической науки⁴. Конечно, небольшая монография не может предоставить ответа на столь глобальный вопрос (и потому здесь неуместно обсуждать реалистичность заявленной стратегии), но сама по себе отсылка показывает, насколько хорошо были продуманы координаты данной работы на большой методологической «карте» исторического исследования.

Остальные теоретические выкладки, приведённые во второй части предисловия, показали нам скорее «коллекционным» подбором связанных друг с другом, но не систематизированных (возможно, и не приводимых в систему) отдельных подходов: авторы нашли возможность упомянуть и образ прошлого М. Хальбвакса, и «места памяти» П. Нора, Ю.М. Лотмана и многих других. При этом они высказали согласие с тезисом В. Вжосека о том, что «чем дальше мы уходим в глубину веков, тем меньшее напряжение между академической историей и образом прошлого, функционирующим в социальном пространстве» (С. 9), в то время, как текст книги, на наш взгляд, позволяет говорить о другом: прошлое актуализируется неравномерно (образ Франциска Ассизского может в какой-то период и на какое-то время оказаться важнее образа Леонардо), а динамика этой актуализации как раз и является отдельным объектом исследования. К этому расхождению теории и конкретики исследования мы вернёмся в конце рецензии.

Первая глава «Ранний Рим и Италия: коммуникативный аспект» (С. 13–52) написана Л.М. Шмелёвой, и в общем, это история того, как в VIII–III вв. до н.э. древняя Италия стала Римом – в культурном и политическом смысле (экономики периода автор касается меньше – таково состояние наших источников и отчасти историографии), само собой, отдав этому слиянию множество своих сил и достижений. Это тем более интересно, что во второй и третьих главах мы сможем увидеть уже то, как античный Рим станет частью современной (XX в.) Италии.

Можно высказать такое, по внешности вторичное замечание: наряду с прослеживанием указанного культурного (в самом широком смысле слова) взаимодействия римлян и итальянцев, что можно назвать

⁴ В оригинале Мартиндейл писал о противопоставлении двух иллюзий – вульгарного историцизма и вульгарного презентизма, но авторы, полагая (не без оснований), что «вульгарный» будет звучать на русском отсылкой к советским традициям критики «буржуазной историографии», предпочли менее буквальный перевод. См. Martindale 2013. P. 171–172.

нарративом коммуникативным, Л.В. Шмелёва в значительной мере остаётся в нарративе конкретно-историческом – поэтому рассказ о захвате Римом Италии иногда начинает доминировать. Характерный пример (С. 33): указание на различную датировку дарования жителям Цере римского гражданства Т. Моммзенем (351 г. до н.э.) и И.Л. Маяк (353 г. до н.э.). Имеет ли это какое-либо значение для исследования коммуникации? Если и да, то из текста это не следует.

Увлекательное чтение представляет собой вторая глава «Коммеморативные практики в Италии XX в. Францисканский юбилей 1926 года» (С. 53–77), написанная Э.М. Дусаевой и повествующая о том, каким образом становление фашистского режима было связано в том числе и с освоением практики коммеморации, в данном случае – использования памяти о Франциске. Э.М. Дусаева убедительно показывает, как секулярная и либеральная идеология Рисорджименто обнаружила в начале XX в. свою главную слабость – она апеллировала к просвещённому меньшинству и не могла по-настоящему объединить нацию, в объединении настоятельно нуждавшуюся и потому склонную к внутри- и внешнеполитическим авантюрам. Поэтому Муссолини, отнюдь не отличавшийся религиозностью, сознательно пошёл на сотрудничество с католической церковью (С. 55–56).

С опорой на итальянскую прессу тех лет дано описание празднеств и памятников, поставленных Франциску Ассизскому (С. 57–64), а кроме того, показано, как образ итальянского святого был подготовлен к его широкому восприятию благодаря появлению исторической литературы о нём и трансформации событий Первой Мировой в творчестве Г. Д'Аннунцио (раздел «Почему Св. Франциск», С. 64–73).

В начале главы помещено довольно категоричное заявление: «Человек так устроен – любая историческая отсылка действует магически авторитетно, и практически у каждого найдется свой «пантеон исторических героев», помогающих ориентироваться в настоящем, становясь его неотъемлемой частью» (С. 53). На наш взгляд, монография как раз и посвящена исследованию того, почему те или иные (отнюдь не «любые») исторические отсылки наделяются буквально магическим авторитетом (и, добавим от себя, потом утрачивают его), а такие абстрактные апелляции к вечному устройству человека чем-то напоминают обыгранное ещё Пушкиным выражение «силоу вещей». Но, пожалуй, это единственное относительно серьёзное замечание, которое можно высказать к данной главе, да и кто из читающих эти строки сам не испытывал стилистических затруднений, формулируя вводный абзац?!

Третья глава «Имперский Рим и его актуализация в Италии 20 – 30-х гг. XX в.» (С. 78–110), автором которой является М.В. Григер, насыщена многочисленными примерами, показывающими, как фа-

шистский режим, в том числе и в период, когда он уже обрёл силу, эксплуатировал, пожалуй, самую благодатную для него историческую эпоху. Автор касается как визуального конструирования образа великой древней империи (выставки, археологические изыскания, почтовые марки, кинематограф), так и празднования двухтысячелетних юбилеев Вергилия и Горация (на эту тему кратко писала и Э. Ираче в своей «*Itale glorie*»), показывая, какими способами актуализировались (или практически фальсифицировались) выгодные для пропаганды факты жизни и творчества древних поэтов и игнорировались те, что противоречили новому «римскому мифу»⁵. Особый интерес представляет пассаж о стадиях моделирования отрицательного образа евреев в итальянской истории, который написан автором с увлечением, поскольку пересекается с основной тематикой его собственных исследований. Правда, большой отрывок, посвящённый еврейской общине в древнем Риме (С. 92–96) – это, всё-таки, слишком заметное отступление от магистральной темы главы. Роли в дальнейшем анализе фашистской версии истории еврейства эти страницы не играют, и такая справка выглядит ненужным отвлечением перед действительно интересным рассмотрением статей Э. Амадеи и Ф. Клементи.

Итог главы, на наш взгляд, заслуживает того, чтобы его процитировать: «Фашистская пропаганда подавала “римский миф” если не как стержень, то, по крайней мере, как фундамент нового итальянского государства. Однако с позиций сегодняшнего дня представляется, что другая метафора более точно отражает функцию “римского мифа”: он играл роль связующего вещества, которое заполняло пустоты между эклектическими элементами фашистской идеологии и жизни фашистского государства» (С. 110). Остаётся лишь сожалеть, что на протяжении главы автор не расставил «указатели» в виде промежуточных выводов, которые позволили бы читателю аргументированно убедиться в том, что этот итог вполне правомерен.

Наконец, написанная Е.А. Чиглинцевым четвёртая глава «Образ Рима в творческом наследии О. Мандельштама» (С. 111–126), наименьшая по размеру, отличается и наибольшим изяществом изложения. Зная, как мало стоят общие наукообразные вводные замечания и понимая, насколько избыточны они в небольших книгах, опытный исследователь сразу переходит к сути дела, ясно показывая читателю (надо полагать, и с творчеством Мандельштама, и с античной темой у него же в любом случае знакомого), что мы можем говорить не только о теме античности, но и об особом образе Рима (и, что немаловажно,

⁵ Полезным дополнением к главе (да и книге в целом) может служить следующая статья: Чиглинцев 2014.

его соотношении с Италией) в стихотворениях и отчасти статьях поэта (С. 115). Глава эта соотносится с другими статьями и докладами автора, в которых он рассматривает рецепцию античности в советский период, но она же даёт более камерный обзор взгляда на связь древнего Рима и современной Мандельштаму Италии так, как она виделась из Советской России человеку, который был внутренне чужд и новому режиму, и формируемой им культуре.

Небольшая монография требует и сжатого отзыва, поэтому пора сказать, как книга в целом воспринимается читателем. Наверное, из побуждений формальной строгости можно было бы высказать замечание по поводу того, что рассказ о рецепции античного наследия явно доминирует над примерами рецепции наследия средневекового (в самом широком для Италии смысле, включая Возрождение), но книга вполне очевидным образом не претендовала на энциклопедическую полноту охвата материала, поэтому нужно оценивать не то, что могло бы в ней быть, а насколько удачно сочетается то, что есть. Нет сомнения, вторая и третья главы соотношены друг с другом гораздо лучше, чем первая и четвёртая, как с ними, так и с магистральной темой, но это обстоятельство можно рассматривать не только как на допустимую сюжетную натяжку, но и как оправданный ход: изучая итальянскую рецепцию античности только внутри итальянской традиции, очень легко потерять меру соотношения её с другими культурными явлениями (например, с русской рецепцией античности) и с исторической реальностью (например, с италийской политикой Рима).

Иными словами, не стоит спешить и обвинять авторов в поспешном подборе материала – книга гораздо более целостная, чем это кажется при формальном подходе. И всё-таки, если бы в первой и четвёртой главах были расставлены эти точки соотношения с материалом предстоящим и предшествующим, читатель смог бы проследить эти связи более органично и вынести для себя гораздо больше полезного по результатам знакомства с книгой. И сейчас мы попробуем показать, почему это имеет значение.

Книга вполне убедительно показывает нашему читателю, пока ещё в вопросах рецепции исторических культур осведомлённому мало (чего греха таить), что пути этой самой рецепции весьма разнообразны, но отнюдь не хаотичны. Если первая мысль по результатам знакомства с книгой легко читается и аргументируется, то вторая требует не только такого рода прямолинейной формулировки, но и выведения некой системы взаимосвязей. Простым изложением уже имеющихся концепций на эту тему вопрос не решить – при всём уважении к выдвинувшим их учёным (тому же Ч. Мартиндейлу или Л. Хардвик и Ч. Стрею), они не часть нашей историографической традиции, и их общие положения не

должны быть усвоены, да и не могут быть по-настоящему усвоены до тех пор, пока мы сами не проработаем достаточного исторического материала. Только тогда пройдут проверку теоретические положения, высказанные другими, и возникнут концепции, которые будут органичны нашим отечественным работам.

Заслуга авторов монографии в том, что они пошли на риск этой ранней стадии рождения собственной исследовательской методологии. Отсюда неоднократно отмеченные выше переходы от рассмотрения рецепции к рассмотрению истории как таковой в первых трёх главах – они показывают, до какой степени авторам ещё непривычен новый ракурс исследования. То же самое касается отчасти и выводов.

Бесспорно, когда Е.А. Чиглинец показывает, как Мандельштам соотносит Древний Рим с Италией времён Муссолини, это хороший, сильный ход – рецептивный взгляд не просто со стороны, а ещё и из России на основную тему монографии, это как раз то, чего не хватало читателю, чтобы увидеть сложность и глубину культурных переключек. Но достраивать структуру этих переключек и открывать их тонкие линии пересечений читателю придётся самому. В заключении монографии совсем кратко сказано о том, что поэт увидел в фашистской Италии тиранию, сходную с той, от которой он пострадал (С. 128; в тексте IV главы, на С. 113 сказано определённой: которая его уничтожила). Что ж, наверное, читатель с близкими научными интересами сможет сделать из этого вывод: актуализация фашистским режимом римского наследия подтолкнула Мандельштама к актуализации тираноборческих элементов античной культуры, которые по факту были приложены им не столько к итальянскому, сколько к советскому культурному контексту. На наш взгляд, существенно даже не то, совпадает ли этот вывод полностью с мнением автора главы, сколько то, что менее подготовленный читатель (например, студент), скорее всего, не сможет самостоятельно сформулировать для себя такого рода итоги. Коль скоро монография, судя по аннотации, предназначена для разных читателей, то именно поэтому формулировка выводов была бы особо ценной. Наконец, и в целях научной полемики адекватная репрезентация собственных достижений оказалась бы более чем полезной.

Конечно, эти пожелания не могут омрачить общего благоприятного впечатления от книги. По нашему мнению, казанцам удалось затронуть тему, потенциал которой для нашей исторической науки ещё далеко не исчерпан. Может быть, серия подобных коллективных монографий была бы не менее интересной, чем уже вышедшее издание?

БИБЛИОГРАФИЯ

- Ахмадиев Ф.Н., Георгиев П.В. Афинская демократия и европейские революции: политические идеи в русской историографии всеобщей истории второй половины XIX – начала XX вв. / Под ред. Е.А. Чиглинцева. Казань: Издательство «Яз», 2016. 108 с.
- Малёванный А.М., Чиглинцев Е.А., Шофман А.С. Классовая борьба в древнем мире. Казань: Издательство Казанского университета, 1987. 112 с.
- Межкультурный диалог в искусстве: теория и практика: монография / М.Г. Юнусова и др. Казань: Издательство «Яз», 2016. 124 с.
- Рим и Италия: историческое прошлое в современных измерениях / М.В. Григер, Э.М. Дусаева, Г.П. Мягков, Е.А. Чиглинцев, Л.М. Шмелёва. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. 136 с.
- Чиглинцев Е.А. Античные истоки патриотических представлений в фашистской Италии // Ученые записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2014. Т. 156. Кн 3. С. 185–191.
- Чиглинцев Е.А. Рецепция античности в культуре конца XIX – начала XX вв. Изд. 2-е. Казань: Издательство Казанского университета, 2015. 164 с.
- Martindale Ch. Reception – a new humanism? Receptivity, pedagogy, the transhistorical // Classical Receptions Journal. Vol. 5. Iss. 2. 2013. P. 169–183.

REFERENCES

- Akhmadiev F.N., Georgiev P.V. Afinskaiia demokratiia i evropeiskie revoliutsii: politicheskie idei v russkoi istoriografii vseobshchei istorii vtoroi poloviny XIX – nachala XX vv. / Ed. E.A. Thiglintsev. Kazan': Izdatel'stvo «Iaz», 2016. 108 p.
- Malevani A.M., Tchiglintsev E.A., Shofman A.S. Klassovaiia bor'ba v drevnem mire. Kazan: Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta, 1987. 112 p.
- Mezhkul'turnyi dialog v iskusstve: teoriia i praktika: monografiia / M.G. Iunusova etc. Kazan': Izdatel'stvo «Iaz», 2016. 124 p.
- Rim i Italiia: istoricheskoe proshloe v sovremennykh izmereniiakh / M.V. Griger, E.M. Dusaeva, G.P. Miagkov, E.A. Tchiglintsev, L.M. Shmeleva. Kazan: Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT, 2017. 136 p.
- Tchiglintsev E.A. Antichnye istoki patrioticheskikh predstavlenii v fashistskoi Italii // Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2014. T. 156. Book 3. P. 185–191.
- Tchiglintsev E.A. Retseptsiia antichnosti v kul'ture kontsa XIX – nachala XX vv. Izd. 2-e. Kazan': Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta, 2015. 164 p.
- Martindale Ch. Reception – a new humanism? Receptivity, pedagogy, the transhistorical // Classical Receptions Journal. Vol. 5. Iss. 2. 2013. P. 169–183.

Крих Сергей Борисович, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского; krikh@rambler.ru

The study of reception of Antiquity and the Middle Ages in current Russian historiography

This review is devoted to the collective monograph by a group of Kazan' historians which is dedicated to the receptions of Antiquity and Middle Ages in modern Italy and Soviet Russia. This type of study is relatively new Russian historiography, and this fact is simultaneously the strength and the main weakness of the reviewed monograph – theoretical uncertainty in the work with historiographic material.

Keywords: reception, Rome, Italy, modern historiography, Antiquity, Middle Ages

Sergey Krikh, Dr.Sc. (History), Prof. of the Department of World History, Dostoevsky Omsk State University; krikh@rambler.ru